

и умиленное упоминание в «Слове о погибели Рускыя земли» «князей грозных», которыми украсно украшена земля русская, помимо прочего, исключает новгородское происхождение памятника.

*

В отличие от прослеженных выше закономерностей иногда в древнерусском искусстве, преимущественно XV—XVI вв., изображения одного и того же героя, возникавшие в близкое время и в близком месте, все же весьма непохожи по смыслу образа. Их разницы не объяснить ни историческими сдвигами культуры, ни различием ее местного склада.

Такое явление можно наблюдать, например, на изображениях Кирилла Белозерского.

Ученик Сергия Радонежского, основатель одного из знаменитейших севернорусских монастырей, Кирилл умер в 1427 г. Почитание его как святого очень скоро приобрело широчайшую популярность во всей Руси. Уже в 1448 г. Кирилл упоминается в числе «чудотворцев русских». ⁵⁰ Вместе с этим появляются в большом количестве и его изображения, иконы.

Одним из наиболее ранних изображений Кирилла было то, которое заслуживающим доверия преданием приписывается кисти Дионисия Глушицкого (рис. 7). ⁵¹ В нем дан необычайно индивидуальный, живой, запоминающийся образ святого. Маленький, седенький старичок, с большой не по росту головой, лобастый, широкобородый, немного кособокий. Живые, умные глаза говорят о деятельной натуре этого старика. Хочется верить в жизненную правдивость образа, созданного с не столь уж большим живописным умением.

Икона Кирилла, написанная Дионисием Глушицким, имела много повторений в XVI и XVII вв. ⁵² Этот извод иконы, или — в плане нашей темы — этот образ Кирилла, был признан и имел прочную традицию.

Но вскоре был создан и получил параллельное бытование другой образ Кирилла, представленный превосходной иконой Русского музея, идущей из Казанского собора г. Кириллова (рис. 8). ⁵³ Как и на иконе письма Дионисия Глушицкого, на этой Кирилл изображен в рост и фронтально перед зрителем, в таком же монашеском одеянии, лишь с поднятой рукой и с развернутым свитком. Но несмотря на то что в обоих случаях изображен один и тот же исторический деятель, как будто в одном и том же иконографическом облике и с одним и тем же скупым реквизитом: «подобием стар и сед, власы просты, мало с ушей, брада доле Сергиевы и шире, ризы преподобнические. . . в руке его свиток», смысл образа в них совершенно разный. Вместо простого, прозаически деловитого, приземистого невзрачного и большеголового монаха здесь перед нами высокий и стройный старец-инок, с мудрым лицом, ласковым, чуть грустным взглядом, с чертами какого-то аристократического благородства. Явно идеализированный, опоэтизированный образ знаменитого игумена.

Ряд характерных черт стиля: удлиненность пропорций, стройность и какая-то своеобразная грация высокой фигуры с небольшой головой, покатыми плечами, маленькими кистями рук, изящество рисунка, тонкость живописи, построенной на изысканном сочетании коричневого, зеленого

⁵⁰ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 298.

⁵¹ Оно находилось в Кирилло-Белозерском монастыре, откуда вывезено в Москву и в настоящее время хранится в Гос. Третьяковской галерее № 28835 (В. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 129; История русского искусства, т. II, стр. 265).

⁵² Собр. ГТГ, № 1501; собр. ГРМ, №№ 368, 616, 819; собр. Музея истории религии АН СССР и др.

⁵³ Собр. ГРМ, № 2733. — История русского искусства, т. III, стр. 498, 499.